

Е. М. Чекалина

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАММАТИКИ И СЕМАНТИКИ РОДА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Кардинальная перестройка именного склонения в процессе выравнивания падежных флексий в шведском языке привела к исчезновению парадигматических различий между мужским и женским родом, в результате чего произошло их слияние в общий род¹. К концу среднешведского периода на унаследованную от старой системы принадлежность существительных к мужскому или женскому роду указывали только анафорические местоимения *han* и *hon*². Перестройка именной парадигматики повлекла за собой включение в систему местоимений 3-го лица указательного *den* для обозначения предметного общего рода. Утверждение *den* в новой для него анафорической функции имело длительную историю, которая увлекательно рассказана в книге выдающегося шведского филолога Э. Тегнера младшего «Om genus i svenskan»³. В диссертации Х. Давидсона этот процесс подробно описан с использованием статистических данных⁴. Оба исследования показывают, что взаимодействие грамматики и семантики рода в шведском языке происходило в сложном переплетении внутрисистемных изменений и внешних социокультурных факторов, включая деятельность языковедов и нормализаторов. По образному выражению Э. Тегнера, анафорическое местоимение *den* вначале было «аристократическим словом», служившим яркой стилистической приметой официально-деловых текстов, а вместе с тем и социальной принадлежности их создателей. Оно появилось в шведской канцелярской прозе конца

XV в. и стало широко употребительным в XVI–XVII вв. в письменной, а позднее и в устной речи принадлежавших к аристократическим кругам высших должностных лиц Швеции, включая представителей королевского двора. Об этом свидетельствуют, например, протоколы верхней палаты шведского риксдага середины XVII в., а также тексты, вышедшие из-под пера короля Густава Адольфа (1594–1632), где в половине случаев неодушевленные существительные общего рода замещались местоимением *den*. В завещании государственного канцлера Швеции Акселя Оксеншерны (1583–1654), собственноручно написанном им в 1650 г., *den* в анафорической функции встречается чаще, чем *han* и *hon*⁵. В связи с появлением большого количества новых реалий общественной жизни в XVII в. в шведский язык вошло много абстрактных существительных, которые сразу стали замещаться при анафоре местоимением *den*⁶. Появление новой функции *den* в официально-деловом стиле позволило Э. Тегнеру предположить, что его внешней причиной было датское влияние на шведскую канцелярскую прозу в условиях Кальмарской унии (1389–1521)⁷. Внутренний механизм этого процесса он объяснял переосмыслением местоименной энклитики аккузатива мужского рода *'en*, по аналогии с энклитикой *'et* в среднем роде:

i neutrum: Jag tog det > vardagl. (обиходно-разг.): jag tog'et > åter vårdat (ставшее нормативным): jag tog det;

i maskulinum: Jag tog han (ack.) > vardagl. (обиходно-разг.): jag tog'en > åter vårdat i analogi med neutrum (ставшее нормативным по аналогии со средним родом): jag tog den⁸ (перевод в скобках мой. — Е. Ч.).

По контрасту с официально-деловыми текстами, которые испытывали сильнейшее влияние датского и нижненемецкого, в ученой прозе, а также в поэзии и драматургии — наиболее распространенных литературных жанрах XVII–XVIII вв. — *han* и *hon* при замещении неодушевленных существительных прочно удерживали свои позиции до середины XVIII столетия. Так, шведский поэт и просветитель XVII в. Георг Шернфельм (1598–1672) совсем не использовал *den* в анафорической функции. В произведениях выдающегося деятеля шведского Просвещения XVIII в. Улова фон Далина (1708–1763), по данным Э. Тегнера, *han* и *hon* встречаются при замещении неодушевленных существительных в 5 раз чаще, чем *den*, что в значительной мере может быть обусловлено широким

использованием метафоры. В научной прозе К. Линнея (1707–1778) *han* и *hon* употребляются при замещении неодушевленных существительных в 4 раза чаще, чем *den*⁹. Только во второй половине XVIII в. в густавианскую эпоху *den* окончательно и прочно утвердилось в письменной и устной речи близкой к аристократическим кругам культурной элиты. Как писал Э. Тегнер, не только король Густав III (1764–1792), но и шведские писатели и поэты того времени Ю. Чельгрэн (1751–1795), К. Г. Леопольд (1756–1829), А. М. Леннгрен (1754–1817), Т. Турильд (1759–1808) были приверженцами *den*: «de voro i det närmaste rena *den*-människor»¹⁰.

В то же время в диалектах еще долго использовались только *han* и *hon*. Свидетельством постепенного распатывания родовой системы здесь стала вариативность при выборе анафорического местоимения мужского или женского рода для неодушевленных существительных, в зависимости от их лексического значения. Это выражалось, в частности, в том, что абстрактные существительные женского рода в отличие от конкретных замещались местоимением *han*. Таким образом, в диалектах наблюдалась тенденция к семантизации грамматического рода по признаку одушевленности / неодушевленности. Показательна в этой связи эволюция категории рода в одном из местных диалектов северной Швеции во второй половине XX в. По данным, опубликованным в статье М. Теландер, независимо от возрастных различий говорящих, в нем наблюдалось распространение *han* на исконные неодушевленные существительные женского рода, а также его использование при замещении новых заимствованных слов общего рода, уже не отягощенных старой родовой принадлежностью (таких, например, как *bil*, *buss*, *moped*). Важную роль играл, видимо, и морфосемантический фактор наличия согласного в исходе основы. Конкурировавшее с *han* местоимение *den* при анафоре в первую очередь распространялось на предметные существительные женского рода¹¹.

В произведениях изящной словесности использование местоимений мужского и женского рода вместо неодушевленных существительных дольше всего удерживалось в поэзии, хотя и здесь имела место вариативность, обусловленная, однако, художественными задачами. Так, существительное *solen* исконно женского рода могло замещаться в поэтических произведениях местоимением *han*, а *tånen* исконно мужского рода, напротив, местоимением *hon*. Э. Тегнер приводит интересные примеры из стихотворений одного

из ранних представителей шведского романтизма Э. Ю. Стагнелиуса (1793–1823), написанных уже в начале XIX в., в которых луна выступает сестрой или невестой солнца и, следовательно, замещается местоимением *hon*¹². Как остроумно заметил У. Телеман, ночь теперь уже не обязательно должна была представлять только в образе мягкой привлекательной женщины; ее могли сравнивать и с жестоким, наводящим страх мужчиной¹³. Видимо, устойчивостью поэтической традиции можно объяснить аналогичное употребление *hon* о луне и у А. Стриндберга: *Hon kysser fjället på pannan*¹⁴.

К началу XVIII в. *den* использовалось в 80% случаев при замещении неодушевленных существительных общего рода в официально-деловых текстах и в 30–40% — в религиозной и светской прозе¹⁵. Однако его окончательное закрепление в качестве анафорического местоимения предметного общего рода произошло в шведском литературном языке только в XIX в. По подсчетам, сделанным Э. Тегнером на материале восьми крупнейших шведских газет конца XIX в., выходявших с 11 по 13 июня 1892 г., в них не встретилось ни одного употребления *han* и всего два употребления *hon* при замещении неодушевленных существительных¹⁶. По данным Х. Давидсона, в первой трети XX в. использование *den* в анафорической функции стало стопроцентным в официально-деловой и научной прозе и почти стопроцентным в других типах письменных текстов: 97% в романах, 96 — в учебной литературе и 87% в религиозных текстах¹⁷.

С 1894 г. *den* окончательно утвердилось в качестве местоимения предметного общего рода в шведских грамматиках¹⁸. Шведские нормализаторы окончательно признали *den* только к концу XIX в., после того как в узусе оно полностью вытеснило местоимения *han* и *hon* для неодушевленных существительных¹⁹. Итогом длительного процесса перестройки в системе анафорических местоимений стало полное отсутствие помет *m* и *f* при всех существительных, включая одушевленные, в восьмом издании Шведского академического словаря (SAOL) в 1923 г. Между тем всего четверть века назад в предыдущем седьмом издании 1900 г. при неодушевленных существительных общего рода впервые появилась помета *г* (*reale*), сопровождавшаяся, однако, указанием на старый грамматический род — мужской *m* или женский *f*, например: *mur m, vägg rf*.²⁰ В первом томе Шведского академического словаря (1898 г.) для исконных существительных также давались пометы

rn или *rf*, поскольку в словарных статьях приводились их употребления с XVI в., а для новых, в том числе заимствованных слов давалось только г.²¹ Принадлежность любого существительного к общему или среднему роду стала классифицирующим парадигматическим признаком, определяющим выбор словоизменительных морфем множественного числа и определенности (в обоих числах) существительных, свободностоящих неопределенного (*en / ett*) и определенного (*den / det*) артиклей, а также показателей согласования прилагательных и адъективных местоимений в единственном числе. Вместе с тем включение *den* в систему анафорических местоимений 3-го лица для обозначения предметного общего рода привело к превращению скрытого в лексическом значении слов противопоставления бинарных именных классов по признаку одушевленности / неодушевленности, характеризующего референты, в явную лексико-грамматическую категорию личности / неличности имени существительного, выражение которой осуществляется разноуровневыми средствами²². Так, Э. Тегнер первым обратил внимание на то, что предложным сочетаниям с местоимениями 3-го лица *till honom, av henne* и другим при соотнесенности как с абстрактными, так и с предметными существительными соответствуют не только аналогичные сочетания с *den / det*, но и особые дейктические наречно-предложные композиты с *här* и *där* (*härmed, härvid, däri, därav* и др.)²³.

В шведском языке фактически появилась новая семантическая категория, поскольку замещение местоимениями *han / hon* стало облигаторным признаком только при обозначении лиц, для которых пол представляет собой обязательный атрибут социальной характеристики. Местоименное замещение названий «безличных» живых существ происходит в современном шведском языке по предметному общему или среднему роду, за исключением особых случаев персонификации (см. об этом ниже): *getingen* ‘оса’, *flugan* ‘муха’ — *den*; *biet* ‘пчела’, *stoet* ‘кобыла’ — *det*²⁴. В диалектно окрашенной речи сохраняется замещение зоонимов по старой трехродовой системе: *en gås* ‘гусь’, *en mus* ‘мышь’ — *hon*; *en snok* ‘уж’, *en hök* ‘ястреб’ — *han*²⁵.

Средствами выражения новой лексико-грамматической категории стали не только анафорические местоимения 3-го лица, но и словоизменительные показатели синтаксического согласования по общему или среднему роду, которые используются при лекси-

чески избирательной частичной субстантивации прилагательных, обязательно сопровождаемой указанием на лицо или предмет. В этой связи становится понятным, что устойчивость среднего рода в шведской именной парадигматике связана с тем, что он не только сохранил, но и развил свои семантические функции в составе новой дихотомии с общим родом; см. также указание на вещественную семантику при субстантивации среднего рода, отмеченную Ю. К. Кузьменко при анализе процессов складывания двухродовой системы в западноюотландских диалектах²⁶.

Согласовательная морфема среднего рода прилагательного при субстантивации выступает показателем собирательности и/или вещественности неодушевленного денотата *с конкретным значением*: Ta på dig *något gammalt* 'Надень что-нибудь старое'; Hon bjuder alltid på *hembakat* 'Она всегда угощает домашней выпечкой'²⁷; *Gult och blått* är vackert ihop. *Gult och blått* ser du överallt (Nalberg) 'Желтое и голубое красиво смотрятся вместе. Желтое и голубое ты видишь повсюду'²⁸. При указании на вещественность неодушевленного денотата *с абстрактным значением*, напротив, используется свободностоящий артикль *det* перед слабой формой прилагательного: Du ska inte ta så mycket av *det gula* 'Не бери так много желтого'; Hon verkar i *det tysta* 'Она действует в молчании'²⁹.

Средствами, маркирующими лицо, при неопределенной референции выступают нулевая согласовательная морфема исходного прилагательного, а также неопределенный артикль общего рода как показатель считаемости в единственном числе: *en sjuk* 'больной', *blind* 'слепой', *anhörig* 'близкий', *skattskyldig* 'налогоплательщик', *värnpliktig* 'военнообязанный', *bekant* 'знакомый', *borgerlig* 'правый' и др.; в большинстве случаев возможно также образование формы множественного числа по адъективному типу с помощью показателя *-a*: (*En*) *Skattskyldig* / *Skattskyldiga* som bara har folkpension påförs inte någon skatt³⁰. При обобщенной референции в формально-деловом стиле неопределенный артикль опускается: Uppgifterna får inte lämnas till *obehörig*³¹. При определенно-конкретной референции к лицу средствами субстантивации выступают свободностоящие артикли со слабой формой прилагательного — *den* для единственного и *de* для множественного числа: Om *en sjuk* och en frisk står i kö, äger *den sjuke* förtursrätt³²; *De blinda* bildar en förening³³. В единственном числе при отнесенности к лицу необходим также выбор показателя слабой формы прилагательного: *-a*

при указании на лицо женского пола; *-e* (старое окончание слабой формы мужского рода) при указании: 1) на лицо мужского пола: *Den vackre satt och stirrade ned i glaset igen*³⁴; 2) на обобщенное лицо без указания на пол: *Den händige behöver ingen hjälp*³⁵.

Вместе с тем слабая форма на *-e* единственно возможная в составе цельных словосочетаний с мужскими именами собственными и постпозитивными прилагательными в функции постоянных эпитетов: *Karl den store, Erik den helige*; при отнесенности к лицам женского пола облигаторной будет слабая форма на *-a*: *Katarina den stora, Maria den blodiga*. В таком употреблении окончания *-e / -a* приобретают статус устойчивых морфологических показателей семантического мужского и женского рода, близких к словообразовательным. Наряду с этим окончание *-e* лексически закреплено в составе устойчивых словосочетаний с порядковыми числительными *förste* и *andre*, которые используются при обозначении должностей и профессий, бывших прежде исключительно мужскими: *förste amanuens, arkivarie, bibliotekarie, byråsekreterare, gästdirigent, intendent, kammarskrivare, konsertmästare; andre ambassadörsekreterare, styrman, vice ordörande* и др. В современном шведском языке эти обозначения регулярно используются и применительно к женщинам: 1970 blev hon *förste intendent* för avdelningen³⁶. При обычном употреблении тех же порядковых числительных со свободностоящим артиклем и существительным, обозначающим лицо женского пола, они получают окончание *-a*: Hon var *den första bibliotekarie* som anställdes vid det nya huvudbiblioteket³⁷.

Устойчивость показателя мужского рода слабой формы *-e* в словоизменительной системе прилагательного, отмеченная Л. Ельмслевом в статье о категориях одушевленности / неодушевленности и личности / неличности в индоевропейских языках³⁸, — однако, факт, заслуживающий особого внимания, поскольку корреляция окончаний *-e / -a* в слабой форме прилагательных может использоваться для разграничения лексико-семантических вариантов существительного по признаку одушевленности / неодушевленности: *den uppmärksamme läsaren* ‘внимательный читатель’, но *den optiska läsaren* ‘оптический сканер’³⁹; *den nye mottagaren* ‘новый получатель (приёмщик)’, но *den nya mottagaren* ‘новый приемник’⁴⁰.

Таким образом, из региональных и / или стилистических вариантов показатели слабой формы прилагательного *-e / -a*, расширив свой семантический потенциал, превратились в корреляты с новы-

ми семантическими признаками. При этом каждый из них выполняет двойную смысловую нагрузку в двух пересекающихся лексико-грамматических категориях — одушевленности / неодушевленности и личности / неличности: *-e* маркирует одушевленность и семантический мужской род; *-a* маркирует неодушевленность и семантический женский род.

Важный фактор, способствовавший такой дифференциации, — это параллелизм между показателями *-e* / *-a* в слабой форме прилагательных и исходе основ существительных слабого склонения мужского и женского рода; ср.: *herre, make, herde, bonde, gubbe, granne, ha(n)ne, hare, orre, oxe*, но *människa, kvinna, maka, gumma, hona, hōna, kråka, gädda*, а также имена собственные *Helge — Helga, Tore — Tora* и др. Э. Андерсон называет влияние морфонологии исхода основ слабых существительных на семантизацию родовой дифференциации как по признакам мужского и женского рода, так и по признакам личности / неличности, проявляющимся не только в показателях слабых прилагательных, но и в анафоре при персонификации безличных существ, морфосемантическим фактором⁴¹; ср.: *en åsna* ‘осел’ — *hon*, но *en hare* ‘заяц’ — *han*. В то же время при анафорическом замещении зоонимов среднего рода (которых в шведском языке немного) действуют экстралингвистические факторы, обусловленные как половой принадлежностью референтов, так и культурно-фольклорной традицией; ср.: *ett lejon* ‘лев’ — *han*; *ett rådjur* ‘косуля’, *ett bi* ‘пчела’, *ett sto* ‘кобыла’ — *hon*⁴².

Вместе с тем расширение семантического потенциала старого показателя мужского рода *-e* в слабой форме прилагательных свидетельствует о том, что в современном шведском языке наблюдается тенденция к выражению специализированными грамматическими средствами, по аналогии с предметным общим родом в корреляции *den* / *det*, **одушевленного общего рода** в случаях, когда корреляция по признакам семантического мужского / женского рода нивелируется; Э. Андерсон использует для его обозначения лат. *genus commune* и, что еще более показательно, шведское название *semantiskt utrum*⁴³. Изначально для выражения семантического общего рода использовалось личное местоимение *han* как немаркированный член дихотомии мужской / женский род; это было обусловлено тем, что мужчины доминировали в общественной жизни Швеции. Устойчивая тенденция к использованию *han* в случаях обобщенной и неопределенной референции при передаче наци-

ональности, профессии и других обозначений социального статуса существительными, принадлежавшими к мужскому роду, сохранялась на протяжении всего XX в. В речевом узусе встречаются случаи распространения этой тенденции на существительные исконно женского рода, например, *barnmorska*⁴⁴ и даже *människa*⁴⁵.

Калька с английского в виде *han eller hon* была воспринята в шведской языковой ситуации как претенциозно вежливая и вместе с тем несколько ироничная по отношению к женщинам; Г. Видмарк объясняет это и неудобством использования слишком протяженной синтагмы⁴⁶. Думается, однако, что основная причина коренится глубже и имеет внутрисистемные основания, поскольку в шведской парадигматике имени в отличие от английской сохранилась выраженная морфологическими средствами дифференциация общего и среднего рода, обусловившая включение местоимений *den / det* в процессы семантизации родовых противопоставлений. С последней трети XX в. все заметнее стала проявляться тенденция к использованию *den* в обобщенно-личном значении; при этом коррелятом анафорического *den* может быть и неопределенно-личное местоимение *någon*: *Kunden måste bestämma sig för vilket betalningsätt den föredrar*; *Forskaren kan söka forskningsanslag för de idéer den har utvecklat*; *Om en sjuksköterska vill ha semester i juli, måste den anmäla det ett halvår i förväg. Om någon vill börja här så måste den genomgå en intervju och en rad test*⁴⁷.

Показательно, что при обобщенно-личном употреблении *den* образует особую форму генитива *dens*, по контрасту с предметно-притяжательным *dess*, на что давно обращали внимание авторы шведских грамматик: *Han följer dens order, som har befälet*⁴⁸; *I dens tjänst, som lovar mest (Snoilsky)*⁴⁹; *Böckerna är dens, som besökte oss i går*⁵⁰. Судя по данным Шведской академической грамматики, бывшее достаточно редким и стилистически маркированным, такое употребление в современном языке стало более распространенным: *Dens sorg som mist en älskad katt är ofta inte mindre djup än dens som mist en nära mänsklig vän*⁵¹; *Han såg på intet vis ut at vara förkrossad, tvärtom verkade han både stark och stolt, men tonfallet var dens som blivit förkrossad*⁵². Следует, разумеется, учитывать и то, что в этом случае *dens* выступает в детерминативной функции, близкой к указательности, в составе синтаксической модели с ограничительным придаточным относительным, давно устоявшейся в шведском языке: *Den som vill röka får göra det i korridoren*,

*Den som satt här nyss har visst glömt sin portfölj*⁵³. Важно, однако, что грамматический род местоимения *den* выступает здесь специализированным средством выражения обобщенного лица, в противоположность предметно-абстрактному *det*, выражающему «понятийный средний род»⁵⁴: *Det, som glänser, är inte alltid guld*⁵⁵. Кроме того, форма *dens* возможна и при анафоре, например, в составе лексикализованного парного сочетания: *När någon i fyllan och villan började berätta skvaller, att den och den hade ihop det med den och dens fru, blev hon arg och hutade åt honom*⁵⁶. Отнесенность к лицу мужского пола выявляется здесь лексическим контекстом. По данным, представленным в статье Т. Хультмана «*Barnet — han eller den*», те же тенденции распространяются и на «проблемное» существительное среднего рода *ett barn*⁵⁷. В целом в отношении анафорического замещения одушевленных существительных среднего рода наблюдается неустойчивость, о чем свидетельствует (хотя и в несколько утрированной форме) пример из статьи Э. Андерсона: *När är två hembiträden. Den / det / han som står till vänster arbetar hos oss*⁵⁸, с трудом переводимый на русский язык с его трехродовой системой (*ett hembiträde* «домашняя прислуга, домработница»).

Таким образом, перестройка именной парадигматики в шведском языке не разорвала связи между грамматикой и семантикой родовых групп. Напротив, вектор их взаимодействия, направленный на специализацию дихотомии личность / неличность, способствовал выделению *одушевленного общего рода* в особую семантическую категорию имен лица, использующую в плане выражения согласовательные показатели общего рода — как местоименные, так и адъективные.

¹ *Wessén E.* Svensk språkhistoria. I. Ljudlära och formlära: 3. uppl. Stockholm, 1951. S. 96.

² *Ibid.* S. 149–150; *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953. С. 200; *Pettersson G.* Svenska språket under sjuhundra år. En historia om svenskan och dess utforskande. Lund, 1996. S. 154–155.

³ *Tegnér E.* Om genus i svenskan: 3 uppl. Stockholm, 1962.

⁴ *Davidsson H.* Han hon den. Genusutvecklingen i svenskan under nysvensk tid. Lund, 1990.

⁵ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 143.

⁶ *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan // *Folkmålsstudier.* Bd 26. Åbo, 1979. S. 43.

⁷ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 143, 165.

⁸ *Ibid.* S. 203.

- ⁹ Ibid. S. 7–8.
- ¹⁰ Ibid. S. 152.
- ¹¹ *Thelander M.* Grammatiskt genus i en nutida norrländsk talgemenskap (Burträsk i Norrland) // *Nysvenska Studier*. 1974. Bd 54. S. 96–129.
- ¹² *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 108–109.
- ¹³ *Teleman U.* Tradis och funkis. *Svensk språkvård och språkpolitik efter 1800*. Skrifter utgivna av svenska språknämnden 87. Första uppl., andra tryck. Köpenhamn, 2004. S. 142.
- ¹⁴ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 109.
- ¹⁵ *Teleman U.* Tradis och funkis. S. 140.
- ¹⁶ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 164.
- ¹⁷ *Pettersson G.* Svenska språket under sjuhundra år. S. 155.
- ¹⁸ *Teleman U.* Tradis och funkis. S. 144.
- ¹⁹ Ibid. S. 142.
- ²⁰ *Wessén E.* Språkriktighet och stil. Stockholm, 1957. S. 149. (Språknämndens skriftserie, 18.)
- ²¹ *Teleman U.* Tradis och funkis. S. 143.
- ²² *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 2002. С. 22–24.
- ²³ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 207; *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan. S. 43–44.
- ²⁴ *Teleman U.* Hur många genus finns det i svenskan? // *Grammatik på villovägar*. Arlöv, 1995. S. 111. (Skrifter utgivna av svenska språknämnden, 73.)
- ²⁵ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. Stockholm, 1999. S. 278.
- ²⁶ *Кузьменко Ю.К.* Формирование семантической родовой системы в западноюгославских диалектах // *Скандинавская филология = Scandinavica*. Вып. 6. СПб., 1999. С. 104–116.
- ²⁷ Svenska Akademiens grammatik. Bd 3. S. 54.
- ²⁸ *Чекалина Е.М.* Грамматика шведского языка. М., 1984. С. 28.
- ²⁹ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 224.
- ³⁰ *Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm, 1973. S. 71.
- ³¹ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 218.
- ³² Ibid. Bd 3. S. 54.
- ³³ *Widmark G.* Kongruensförändring i språkvärderingsperspektiv // *Svenska i harmoni*. Fyra uppsatser om kongruens. Uppsala, 1992. S. 38 (Ord och stil. No 23).
- ³⁴ *Thorell O.* Svensk grammatik. S. 71.
- ³⁵ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 224.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ *Språkriktighetsboken*. Stockholm, 2005. S. 93. (Skrifter utgivna av svenska språknämnden, 93.)
- ³⁸ *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М., 1972. С. 132.
- ³⁹ *Hellberg St.* Sanningen om svenskan. 75 artiklar om vårt språk. Göteborg, 1984. S. 45; Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 229.
- ⁴⁰ *Språkriktighetsboken*. S. 95.
- ⁴¹ *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan. S. 41.
- ⁴² Svenska Akademiens grammatik. B. 2. S. 277.

- ⁴³ *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan. S. 36–37.
- ⁴⁴ *Teleman U.* Han, hon eller vem som helst // Språkvård. 1995. No 1. S. 3–9.
- ⁴⁵ *Himanen R.* Kvinnliga ombudsman och manliga sjuksköterskor. Titlar och yrkesbeteckningar i nusvensk dagspress. Uppsala, 1990. S. 78. (Ord och stil. No 21.)
- ⁴⁶ *Widmark G.* Kongruensförändring... S. 24.
- ⁴⁷ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 281.
- ⁴⁸ *Wellander E.* Riktig svenska. Stockholm, 1948. S. 252.
- ⁴⁹ *Beckman N.* Svensk språklära: 9. uppl. Stockholm, 1964. S. 85.
- ⁵⁰ *Маслова-Лашанская С. С.* Шведский язык. Ч. 1. Л., 1953. С. 177.
- ⁵¹ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 270.
- ⁵² *Ibid.* S. 281.
- ⁵³ *Ibid.*
- ⁵⁴ *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. С. 281–284.
- ⁵⁵ *Beckman N.* Svensk språklära. S. 85.
- ⁵⁶ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 282.
- ⁵⁷ *Hultman T.* *Barnet — han eller den.* Om genuskongruens vid ordet *barn* i gymnasisters språkbruk // Svenska i harmoni. Fyra uppsatser om kongruens. Uppsala, 1992. S. 75–150. (Ord och stil, 23.)
- ⁵⁸ *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan. S. 37.

Elena Chekalina

ON THE INTERPLAY BETWEEN GRAMMATICAL AND SEMANTIC
GENDER IN SWEDISH

The reduction of the tripartite grammatical gender system in Swedish to a dichotomy of neuter and common gender (as a result of the merging of the masculine and feminine) gave rise to the demonstrative *den* developing into an anaphoric 3rd person pronoun, which is a substitute for inanimate non-neutral substantives. Thus, a new semantic category "personality — non-personality" has emerged, which is manifested by the 3rd person H-/D-pronouns (*han, hon / den, det*) and by congruence markers for *utrum / neutrum* in adjectives. Furthermore, the functional expansion of the weak adjective ending *-e* (originally the weak masculine singular), as well as the use of *den* in case of semantic gender neutralisation, reveal a tendency to express personal (animate) *genus commune* — by analogy with and in contrast to non-personal (inanimate) common gender.